

Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях

(теория и историческая практика)

Ю.А. Мареева

В статье воссоздана история выдвижения и судьба идеи «стратегического треугольника» трех евразийских гигантов – России, Индии и Китая (РИК); рассмотрены основы внешнеполитического и экономического партнерства указанных трех стран; исследованы этапы преобразования идеи их сближения в геополитический проект в общественно-политической периодике и научной литературе; аргументирован тезис о перспективности институционального оформления РИК.

В самом конце XX в. в арсенале глобальных политических проектов обозначились две идеи, так или иначе связанные с обустройством постбиполярного мира. Первой оказалась мысль Е.М. Примакова о создании стратегического треугольника «Россия–Индия–Китай», высказанная им во время своего официального визита в Дели в декабре 1998 г. Антитезой ей стал сформулированный в 1999 г. американским политологом Ф. Фукуямой, в то время сотрудником Госдепартамента США, вывод о «конце истории». Это было, по существу, объявление победы во всемирном масштабе либеральных идей и институтов, делавшей бессмысленным дальнейший поиск человечеством иных путей в свое будущее.

И первая, и вторая идеи не были сколько-нибудь новыми. На первой из них была построена все классическая геополитика, разделившая земной шар на континентальный, представленный Россией, Китаем и Индией, и морской, включавший

в себя совокупный Запад, миры, находившиеся в постоянном соперничестве и противоборстве. Вторая была позаимствована Фукуямой у Ф. Гегеля и актуализирована в условиях победы США в «холодной войне». Но если последняя уже в 2001 г. была научно дезавуирована С. Хантингтоном и отвергнута самим развитием современного мира, то судьба первой оказалась более содержательной и перспективной.

Обсуждение идеи РИК в mass media

Инициатива Е.М. Примакова носила столь же неожиданный, как и странный характер, так как до этого проблема союзных отношений ни с Пекином, ни с Дели Москвой не прорабатывалась. Да и самим автором идея «оси» не была разъяснена или прокомментирована. Российский премьер только обмолвился, что его предложение не носит официального характера и что он имеет в виду только желательность возникновения такой

Мареева Юлия Алексеевна – аспирантка кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

структуры, как «геополитический треугольник». И неслучайно, что данная идея в первое время не вызвала сколько-нибудь серьезного интереса со стороны Китая и Индии.

Более того, и Пекин, и Дели поспешили «откреститься» от московской инициативы. В конце января 1999 г., находясь в Бонне, министр иностранных дел КНР специально подчеркнул, что его страна отвергает идею «стратегического треугольника», поскольку «КНР всегда придерживалась принципа независимости при проведении своей внешней политики». В феврале 1999 г. уже китайский посол в Москве акцентировал мысль, что «суть китайско-российских отношений – это несоюзничество»¹. Практически такая же позиция была обнародована и политическим руководством Индии.

Тем не менее события на международной арене складывались таким образом, что обсуждение и разработка самой идеи «стратегического треугольника» получали все новые импульсы. Большую роль в этом сыграли и сложности, с которыми столкнулась российская внешняя политика в отношениях с Западом, поспособствовав повороту России лицом к Востоку. В 2000-х гг. в отечественной и зарубежной политической периодике появляются многочисленные публикации по проблеме стратегического взаимодействия России, Индии и Китая. Среди экспертов высказывались различные точки зрения относительно сущности «стратегического треугольника» РИК и перспектив его создания².

Нужно отметить, что с наибольшим интересом и вниманием высказывания Е.М. Примакова были встречены в самой России, что неудивительно в свете выявившегося во второй трети 1990-х гг. поворота внешней политики Москвы в сторону усиления связей и контактов с незападными державами, укрепления отношений стратегического партнерства именно с Китаем и Индией. Помимо в целом благожелательных комментариев в московской печати, началось обсуждение экспертным сообществом перспектив такой геополитической конфигурации и разработка мер и предложений по ее концептуальному формированию. Возникавшие в связи с этим проблемы стали, в частности, предметом обсуждения российскими специалистами в области международных отношений на Востоке, так как речь шла именно о «восточном» или азиатском направлении российской внешней политики.

Нужно отметить, что перспектива союзнических отношений России и Китая всегда воспринималась научными и политическими кругами Запада по меньшей мере как угроза. Короткий период их «материализации» с конца 1940-х до рубежа 1950–1960-х гг. во многом способствовал популярности концепции «сдерживания коммунизма». Создание Российской Федерации и Китаем после 1991 г. новой разветвленной системы постоянных контактов на всех уровнях сотрудничества усилило беспокойство США и их союзников³. Возобновление традиционно широких связей между Россией и Индией также не могло не вызвать появления большого количества западных публи-

каций, посвященных вопросам геополитического треугольника России, Китая и Индии⁴.

Нельзя сказать, что Запад болезненно воспринял инициативу Примакова, но также нельзя и утверждать, что она прошла незамеченной. Несмотря на то что стратегический треугольник «Москва–Дели–Пекин» или «союз трех» не оценивался западными столицами как реально возможное союзничество, все же ими выделялись два аспекта, на которых концентрировалось особое внимание⁵:

– на приоритете в двусторонних отношениях России с Индией и Китаем военно-технического сотрудничества, которое в случае дальнейшего укрепления и институционализации «тройки» могло стать более эффективным и результативным;

– на влиянии этой политики на общественное мнение в странах намечаемого треугольника и росте антизападных настроений в этих государствах и в целом во всей системе международных отношений⁶.

Следует констатировать, что вопрос о новом «тройственном союзе» постепенно занял заметное место в дискуссиях по вопросам международной и региональной политики. Можно в этой связи выделить основные позиции, складывавшиеся в прошлом и доминирующие и сегодня в средствах массовой информации относительно стратегического треугольника «Россия–Индия–Китай»:

– «треугольник» возможен и желателен как реальный геополитический противовес складывающемуся однополюсному американскому миру и как начало создания новой «биполярной системы»;

– значительный дисбаланс между высоким уровнем достигнутых политических отношений и «отстающего» торгово-экономического сотрудничества между тремя странами вряд ли выравняется и станет препятствием для их сближения;

– «треугольник» невозможен, так как все его «углы» экономически, особенно Китай и Индия, и политически завязаны на США, в связи с чем проамериканский потенциал перевешивает антигегемонистские настроения членов «треугольника»;

– система РИК возможна в «урезанном» варианте – без китайско-индийского вектора, который является самым сложным по сравнению с китайско-российскими и российско-индийскими отношениями и проблемы которого практически неразрешимы;

– взаимодействие возможно исключительно на двусторонней основе, причем основными «пружинами» этого взаимодействия являются потребность Индии⁷ и Китая⁸ в российских военных поставках (ВТС), а России – в индийских и китайских технологиях и инвестициях;

– «треугольник» возможен, но исключительно на основе межцивилизационного неополитического взаимодействия, не направленного против третьих стран и основанного на внутриконтинентальной экономической интеграции и кооперации;

– все три государства, являясь ведущими державами азиатского континента (Россия как евра-

зийская страна), смогут совместно активизировать свою роль в формировании международного баланса сил и установлении режима безопасности в Азии.

Научные подходы к разработке концепции «стратегического треугольника»

С начала 2000-х гг. политологи, политические аналитики и политики РИК стали активно разрабатывать теоретические и практические проблемы формирования и функционирования стратегического треугольника «Москва – Дели – Пекин». С 2001 г. проводятся ежегодные научно-практические конференции политологов трех стран, посвященные анализу возможностей, перспектив, направлений и форм межгосударственного взаимодействия РИК. В марте 2008 г. в индийской столице прошел первый геостратегический семинар «Россия – Индия – Китай» по формуле «Трек 2 плюс 1», в рамках которого состоялись предметные дискуссии с одновременным участием ученых-экспертов и ответственных представителей внешнеполитических ведомств трех стран⁹. В научных публикациях также преобладают несколько подходов к созданию «оси»:

– во-первых, ряд авторов рассматривает «треугольник» как возможный военно-политический союз трех стран, имеющий антизападную, и прежде всего антиамериканскую, направленность. Ученые, придерживающиеся таких взглядов, опираются на традиции школы *realpolitik*. Ее последователи рассматривают международные отношения как антагонистическое противоборство субъектов, преследующих свои эгоистические цели и опирающихся главным образом на силовые методы их достижения. Кроме того, эта группа политологов испытывает сильное влияние миросистемного подхода, рассматривающего мировую систему в качестве арены борьбы «ядра» (богатых постиндустриальных стран) и «периферии» (бедных развивающихся государств)¹⁰.

Действительно, нельзя отрицать, что стремление противодействовать «гегемонизму» (под которым понимаются внешнеполитические действия США и их ближайших союзников) сыграло существенную роль в формировании идеи стратегического партнерства РИК. Достаточно вспомнить обстоятельства, при которых Е.М. Примаков выступил с инициативой о создании «стратегического треугольника» трех стран. Его предложение прозвучало на фоне британо-американских бомбардировок Ирака, которые вызвали резкую реакцию руководства России. В частности, российские послы были отозваны для консультаций из Великобритании и США, сухопутные войска и ВМФ РФ были приведены в состояние повышенной боевой готовности. И хотя сейчас Е.М. Примаков отрицает, что призывал создать военный союз против Запада¹¹, антиамериканские мотивы его заявления о создании «стратегического треугольника» РИК не вызывают сомнения.

На скрытый антиамериканизм как один из мотивов создания «треугольника» указывают многие

ученые и политические эксперты трех стран. Показательно, что премьер-министр Индии призвал вернуться к обсуждению «идеи Примакова» сразу после бомбардировок НАТО Югославии (1999 г.). В это же время российские и китайские дипломаты в Пекине проводили консультации о возможности институционализации «треугольника»¹². Ю.А. Жулин в этой связи прямо утверждает, что РИК замышлялся «с явным антиамериканским подтекстом»¹³, С.Г. Лузянин отмечает, что РФ стремился к сплочению с Китаем в качестве противовеса США¹⁴, а В.Л. Андрианов называет РИК «адекватным ответом на вызов Запада»¹⁵.

С российскими политологами и экспертами солидарны и некоторые индийские коллеги. Так, Мира Синха Бхаттагарджи указывает на то, что страны РИК объединяет «общая и широкая антизападная позиция»¹⁶. Г.П. Дешпанде рассматривает современный мировой порядок как «политически глобализированный, контролируемый США», который должен быть реформирован совместными усилиями России, Индии и Китая¹⁷. Ряд китайских исследователей также не скрывает, что сотрудничество России, Китая и Индии направлено на сдерживание американских притязаний на мировое господство¹⁸. Так, Ма Шуфань подчеркивает, что эти страны могут «служить мощной уравновешивающей силой для предотвращения стремления США к однополюсному миру»¹⁹. Хэ Вэйгань называет Китай и Россию крупнейшими соперниками США²⁰.

Исходя из вышесказанного, можно согласиться с выводом, который делает Гао Шудинь: «Не смотря на постоянные заверения России и Китая о том, что их партнерство не направлено против третьих стран, в нем присутствует определенный антиамериканский потенциал, представляющий собой ответ на экспансионистскую стратегию США»²¹. Как мы видим, значительная часть российских, китайских и индийских политологов с той или иной степенью жесткости интерпретировали партнерство РИК с позиций реализма и неореализма, рассматривая его как фактор поддержания баланса сил в мире и формирования мирового порядка на «многополярной» основе;

– во-вторых, в последнее время широкое распространение получила неконфронтационная трактовка «треугольника», которая уже не рассматривает РИК как военно-политический союз или альтернативный антизападный культурный кластер. Приверженцы такой позиции называют отношения между РИК «стратегическим партнерством», «трехсторонним взаимодействием», «трехсторонним сотрудничеством», «диалогом», не направленным против третьих стран²².

Вместе с тем либеральная и неолиберальная парадигмы изучения «треугольника» РИК не получили широкого распространения. Сторонники этого подхода призывают не увлекаться идеей военно-политического противостояния США и Западу. Их понимание партнерства РИК опиралось на утилитарно-рационалистский подход, в соответствии с которым международное сотрудни-

ничество основывается на стремлении к извлечению максимальной выгоды, а не к увеличению политического влияния или реализации каких-то моральных принципов. Поэтому они высказывались за расширение и укрепление трехстороннего взаимовыгодного сотрудничества, которое не будет препятствовать при этом развитию торгово-экономических и финансовых связей с другими международными партнерами²³.

Несомненно, что Россия, Индия и Китай добились серьезных практических результатов в стабилизации международных отношений в Евразии, прежде всего придав конструктивный и стабильный характер отношениям между самими участниками «стратегического треугольника». Тем не менее до сих пор остаются открытыми вопросы, реальна ли полная реализация геополитического потенциала РИК, сумеет ли «стратегический треугольник» стать образцом нового международного порядка с качественно иным управлением, какова степень прочности партнерства трех стран, в какой мере оно является стратегическим и т.п.

В настоящей статье возможности и перспективы партнерства между тремя странами оцениваются с позиций межпарадигмального подхода, который предполагает использование всего рационального, что содержится в классических и неклассических методологических подходах к анализу управления мировой политикой – институциональном, системном, конструктивистском, информационном, сетевом, социосинергетическом и т.п.

Социосинергетика и РИК

Так, социосинергетика рассматривает международные отношения как нелинейный процесс, в котором взаимодействуют упорядочивающие и хаотические факторы, что не позволяет однозначно оценивать их перспективы. На мой взгляд, этот вывод вполне применим к анализу перспектив создания «стратегического треугольника» РИК. Они определяются не только факторами, благоприятствующими консолидации трех стран, но и обстоятельствами, которые оказывают негативное, дестабилизирующее влияние на отношения России, Индии и Китая. К первым факторам относятся:

- определенная экономическая взаимозависимость, которая помогает решать сходные внутриполитические задачи: все три страны объективно нуждаются в международной стабильности для модернизации экономики, преодоления отставания от ведущих мировых держав, обеспечения конкурентоспособности производимой продукции;

- общность ряда геополитических интересов (противостояние чрезмерному усилению США, борьба с угрозой терроризма и религиозного экстремизма и др.);

- определенная культурно-ценностная близость трех стран (отсутствие ярко выраженного индивидуализма, повышенного интереса к материальным ценностям, потребительству);

- близость политических систем (неразвитых в демократическом понимании и склонных к авто-

ритарности), что заставляет их выступать «единым фронтом» в полемике с западным миром по гуманитарным проблемам и что можно рассматривать как фактор негативной идентификации;

- богатый опыт дружественных отношений и тесного взаимодействия на международной арене.

Как видно, существуют исторические, географические, экономические, политические, культурно-идеологические факторы, благоприятствующие упорядочению отношений в формате РИК. Они обуславливают развитие партнерства между Россией, Индией и Китаем по восходящей линии начиная с 1990-х гг. С другой стороны, на перспективы отношений внутри «стратегического треугольника» влияют и дестабилизирующие факторы, прежде всего несовпадение существенных геостратегических интересов входящих в РИК государств. Как ни парадоксально, но участники «стратегического треугольника» имеют мало объединяющих стратегических целей. В настоящее время каждая из трех стран ставит перед собой амбициозную задачу – войти в число мировых лидеров, способных оказывать существенное влияние на глобальную и региональную политику.

С учетом претензий России, Индии и Китая на геополитическое лидерство их можно рассматривать скорее как потенциальных стратегических конкурентов, чем союзников. Собственно, соперничество за влияние в мире между тремя странами уже идет. Так, Китай и Индия конкурируют за роль региональных лидеров в Южной и Юго-Восточной Азии²⁴. Геополитическую конкурентность отношений двух азиатских гигантов подчеркивают многие авторы²⁵. Среди наиболее очевидных проблем в этой связи можно выделить следующие:

- 1) конкуренция как производителей однотипной продукции, например в поставках в Россию из Индии и Китая чая, гранита и т.д. Индия и Китай также являются экспортерами дешевой рабочей силы²⁶. Более того, в Дели подготовлен сенсационный документ, из которого следует, что Китай и Индия видят друг в друге вероятных противников²⁷. Речь идет о территориальных спорах на ряде участков границы между двумя странами, а также о проблеме Тибета. В последнем случае Дели рассматривает Китай как страну-оккупанта (хотя прямо этого и не декларирует), а для Пекина Дели — прямой пособник тибетских сепаратистов. На протяжении последних лет КНР ведет целенаправленную политику глубокого стратегического окружения Индии через своих ближайших стратегических союзников — Пакистан и Мьянму, к которым в ближайшее время могут добавиться Бангладеш и даже Афганистан (в случае ухода от туда войск США и их союзников);

- 2) действующие ограничения и запреты на импорт той или иной продукции по причине ее несоответствия фитосанитарным требованиям и/или стандартам качества, по сути являющиеся формой защиты внутреннего производителя от конкурентов. Пример – действия КНР по сдерживанию поставок российской молочной продукции на его внутренний рынок²⁸;

■ Свежий взгляд

3) имеют место и будут приобретать все большее значение различия в подходах России, Индии и Китая к пониманию и обеспечению собственной продовольственной безопасности. Так, широкое распространение в Китае генетически модифицированных культур как принципиальное препятствие на пути увеличения импорта продукции растениеводства из КНР в Россию (запрет ввоза сухого молока из Китая в Россию²⁹);

4) наряду с Китаем Индия позиционирует себя как будущая великая держава, и ее внешняя политика характеризуется глобальным охватом основных экономических и политических проблем. Вместе с тем, будучи одной из ведущих региональных держав, Индия проводит политику под лозунгом «лицом к Востоку», хотя Центральная Азия также рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений³⁰. А два гиганта в одном регионе – это уже серьезная конкуренция;

5) Индия и Китай являются экономическими конкурентами как в импорте (в доступе к рынкам сырья, в котором обе страны испытывают серьезный недостаток), так и в экспорте (обе страны ориентируются на производство промышленных товаров для рынков развитых стран);

6) не менее серьезными являются политические разногласия этих стран: никому, кроме России, противостояние с США в качестве самоцели не интересно, в то время как никаких других практических объединяющих целей у стран РИК нет³¹;

7) в период мирового кризиса экономика КНР показала самые высокие темпы роста в мире (как, впрочем, и до кризиса), Индия – умеренный рост, а Россия продемонстрировала один из самых глубоких в мире провалов³².

Геополитическое соперничество характеризует и отношения России с Китаем³³. В частности, негласно идет борьба за влияние на постсоветском пространстве Центральной Азии, где китайцы стремятся взять под свой контроль казахстанские, туркменские и узбекские источники энергоресурсов, а также трубопроводные магистрали³⁴. Российско-индийское соперничество в настоящее время не так выразительно в силу значительного разрыва в уровнях социально-экономического развития и военного потенциала, однако можно наблюдать его возникновение в некоторых регионах, например в той же Центральной Азии³⁵.

Поскольку каждая из трех стран стремится стать геополитическим лидером, ни одна из них не согласится быть младшим партнером, играть вторые роли в отношениях друг с другом. «Комплекс великодержавия» подрывает единство РИК, является серьезным препятствием на пути формирования прочного, тесного и долговременного сотрудничества между ними. Как подчеркивает В.А. Гайкин, «волк, коза и капуста» в одной лодке оказаться не могут³⁶. По моему мнению, для характеристики отношений внутри «треугольника» лучше подходит сравнение с «тремя медведями в одной берлоге», которым ужитья еще труднее, чем двум.

Как уже отмечалось выше, одним из главных объединяющих факторов взаимодействия РИК является их общее неприятие доминирующей роли США в мире. Однако системообразующую роль в объединении трех стран в долгосрочной перспективе оно вряд ли может сыграть. Индия и Китай не заинтересованы в чрезмерном обострении отношений с американцами, поскольку очень тесно экономически связаны с ними, гораздо более тесно, чем с Россией. Так, США являются вторым после Японии торговым партнером Китая³⁷. Объем торговли Индии с США составляет более 30 млрд долл³⁸. По этому показателю американцы занимают второе место среди экономических партнеров этой страны. Укрепляется политическое сотрудничество между двумя странами. Премьер-министр Индии Ваджпай в 2001 г. назвал Индию и США «естественными союзниками»³⁹. В последнее время наблюдается расширение американо-индийских контактов в различных областях – борьбе с терроризмом, бедностью, в сфере обороны.

При этом существенное значение для оценки отношений Индии и Китая с США имеет не количественная сторона вопроса (у Китая и Индии, например, также очень активная торговля), а то обстоятельство, что сотрудничество с этой страной имеет жизненно важное значение для решения насущных внутренних задач двух государств. Именно США и Запад в целом, а не Россия являются источниками капиталов, поставок продуктов передовой науки и технологий⁴⁰. Без торгово-экономических связей с США был невозможен стремительный взлет ни китайской, ни индийской государственной мощи. Поэтому многие эксперты небезосновательно считают, что отношения, например, Китая с США являются для него приоритетными, так как последние могут блокировать достижение китайских стратегических целей во внутренней и внешней политике⁴¹.

Не следует, конечно, преувеличивать значимость связей Вашингтона и Пекина. Они также являются геополитическими соперниками. Однако, несмотря на это, отношения между ними не могут опускаться ниже определенного уровня или вылиться в серьезный международный конфликт, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Практически то же самое можно сказать и об Индии. На фоне интенсивного торгового сотрудничества Китая и Индии с США можно констатировать, что у стратегического партнерства РИК довольно слабый экономический фундамент. Торгово-экономические связи трех стран не только маломасштабны, несбалансированны и архаичны (сводятся главным образом к обмену российским и индийским сырьем на китайский ширпотреб), но и неустойчивы, сопровождаются заметными взлетами и падениями⁴².

Серьезным препятствием на пути укрепления сотрудничества России, Индии и Китая являются не урегулированные до конца конфликты между ними. Особенно сложными, несмотря на некоторую нормализацию в последние годы, продолжают оставаться китайско-индийские отношения.

До сих пор существуют территориальные споры двух государств. Индия претендует на 34 тыс. кв. км территории Китая, а Китай – на 90 тыс. кв. км индийской земли⁴³. Российско-китайские территориальные споры были на официальном уровне решены в 2004 г. Однако определенные претензии друг к другу остались по обеим сторонам границы. Так, в России многие аналитики и политические деятели считают, что наша страна пошла на слишком большие территориальные уступки (с 1992 г. она безвозмездно передала Китаю около 600 островов на реках Амур и Уссури, а также 10 тыс. кв. км сухопутной территории)⁴⁴.

В свою очередь, в Китае есть влиятельные силы, недовольные тем, что РФ вернула лишь незначительную часть якобы принадлежащей Поднебесной земли. Как известно, комитет по международным делам ВСНП сначала даже отказывался ратифицировать договор с Россией о территориальном разграничении⁴⁵. Исторические и до сих пор не урегулированные полностью конфликты породили определенное недоверие и взаимную подозрительность между государствами и народами России, Индии и Китая. Например, в российском массовом сознании широко распространено опасение по поводу «китайской угрозы»⁴⁶. Со своей стороны, китайцы обнаруживают немало негативных стереотипов по отношению к России. В.Л. Ларин пишет по этому поводу: «В современном общественном мнении КНР Российской империя для многих воспринимается агрессором, отобравшим у слабого Китая обширные территории в Приамурье, а нынешняя Россия ассоциируется с нестабильностью, коррупцией, терактами и политическими скандалами»⁴⁷.

В еще большей степени взаимная подозрительность и предвзятость характеризует отношения Индии и Китая вследствие исторически непростых взаимодействий двух стран. У Индии и России основ для недоверия значительно меньше, но у индийской стороны наблюдается «комплекс младшего партнера» в «треугольнике», который создает психологические барьеры в системе партнерства РИК⁴⁸.

Культурно-ценностному сближению препятствуют и серьезные цивилизационные различия между Россией, Индией и Китаем. Китайский политолог Ван Цюн конкретизирует социокультурные различия китайцев и русских. В Китае, по его мнению, выше уровень коллективизма. У китайцев более выражены черты мужественности, а у русских – избегания неопределенности. В России полиактивная культура, которая допускает выполнение нескольких дел одновременно. Поэтому действия русских непредсказуемы, отсюда – их низкая пунктуальность. Китай – типичный представитель реактивных культур, время которых движется циклично. Китаю свойственна высококонтекстуальная культура, которую отличают невыраженная, скрытая манера речи и поведения. Конфликт считается разрушительным и потому избегается, открытое проявление недовольства считается неприемлемым.

Россия занимает промежуточное место между низкоконтекстуальными и высококонтекстуальными культурами. Поэтому здесь невербальное общение менее значимо, молчание вызывает недоверие, возможно открытое выражение недовольства⁴⁹. Добавим к вышесказанному, что китайцы значительно более трудолюбивы, терпеливы, дисциплинированы, исполнительны, чем русские. Китайцам мало присущи свойственные русским «комплекс бунтаря и верноподданного», неоднозначное отношение к власти, эмоциональность и открытость. Существенные различия есть и в ментальности и культуре индийцев и китайцев. Так, Х. Жинсин отмечает, что конфуцианство, в отличие от индуизма, более прагматично⁵⁰. Во многом не похожи друг на друга православно-христианская и индуистская религии.

С точки зрения межпарадигмального подхода «треугольник» РИК представляет собой внутренне противоречивую систему взаимоотношений трех стран, развитие которой предопределяется взаимодействием упорядочивающих и дестабилизирующих факторов. В ее основе лежат как кооперационные, так и конкурентные связи. Межпарадигмальность позволяет использовать различные методологические подходы для оценки эффективности механизмов сотрудничества «стратегических партнеров»:

- неореализм позволяет сделать вывод о том, что единство трех стран обеспечивается главным образом тактическими интересами и необходимостью уравновешивать американское влияние в мире;

- с позиций неолиберализма степень экономической взаимозависимости трех стран и институционализации отношений между ними является невысокой, что не позволяет рассматривать экономический и институциональный фундаменты «треугольника» как прочные, в связи с чем трудно рассчитывать на тесное сплочение входящих в него государств;

- применения неомарксистский подход к анализу степени упорядоченности партнерства РИК, приходится делать неутешительный вывод: учитывая, что Россия, Индия и Китай глубоко включены в глобальные экономические связи, маловероятно, что они смогут или захотят создать единый фронт «полупериферийных» стран против государств «ядра»;

- цивилизационный подход связывает формирование стабильных отношений государств с межцивилизационным диалогом, развитием тесных культурно-ценностных связей стран и регионов. Однако мы можем констатировать, что цивилизационные различия России, Индии и Китая глубже, чем черты их сходства;

- РИК еще весьма далек от формирования «общей идентичности», в которой конструктивистская парадигма видит важнейшее условие сплочения народов и государств;

- с точки зрения постнеклассической методологии «треугольник» РИК также не опирается на прочные основания. Все три страны считают при-

оритетным защитой своего государственного суверенитета, поэтому прямые транснациональные, сетевые связи институтов гражданского общества между ними носят крайне неразвитый характер.

Таким образом, анализ «стратегического треугольника» РИК через призму основных компонентов межпарадигмального подхода позволяет констатировать, что, несмотря на укрепление взаимных отношений в последние годы, уровень управленческой упорядоченности партнерства трех стран не является высоким.

Три сценария развития РИК

Рассматривая же отношения России, Индии и Китая в динамике, можно создать три сценария развития их партнерства. Наиболее вероятными, на мой взгляд, могут быть три варианта эволюции РИК как международного триумвирата в Евразии: пессимистический, оптимистический и умеренно-оптимистический.

Согласно пессимистическому сценарию, стратегическое партнерство РИК не имеет перспективы. Противоречия между Россией, Индией и Китаем будут обостряться. Усилится противостояние трех «гигантов» за мировое и региональное лидерство. Укрепление экономической и военно-политической мощи Китая приведет к тому, что Россия и Индия будут блокироваться с США и Западом, чтобы уравновесить возвышение Поднебесной. Это приведет в конечном итоге к кризису и распаду самой идеи РИК. Такой точки зрения придерживаются В.А. Гайкин, А.П. Девятков и другие отечественные авторы⁵¹.

При оптимистическом варианте развития событий «треугольник РИК» будет в дальнейшем укрепляться во всех областях управления укрупненным регионом, что приведет к образованию, в той или иной форме, тесного политического союза. Следует признать, что в российской политологии немного авторов, которые верят в реальность такого сценария. Они скорее доминируют среди политиков левых и национал-патриотических убеждений.

Наконец, умеренно-оптимистический взгляд на перспективы РИК состоит в том, что три страны будут развивать сотрудничество между собой в основном на том же уровне, что сложился к настоящему времени – «партнерства без союзничества». При этом они будут прагматически реализовывать управление своими экономическими, политическими и культурно-идеологическими интересами. Такое партнерство не только будет сопровождаться дальнейшим упорядочением управления внутри РИК, но и вносить вклад в стабилизацию обстановки в АТР и в мире в целом.

Из трех сценариев самым маловероятным представляется оптимистический. Ряд авторов считает, что идея «треугольника» как союза трех государств – это продукт мифологизированного сознания советской эпохи («русский с китайцем – братья навек», «руси – хинди бхай-бхай») и не соответствует политическим реалиям XXI в. Ю.И. Суровцев подчеркивает в этой связи: «Созда-

ние стратегического треугольника «Китай–Россия–Индия» есть политическая фантазия некоторых наших политиков и политологов, не просто малокомпетентных в геополитических реальностях современного мира, но и подчиняющих свои субъективные фантазии внутриполитическим выгодам, как они им представляются»⁵².

Нужно отметить при этом, что вероятностный подход, характерный для постнеклассической методологии, не исключает возможности любого сценария, включая превращение РИК в военно-политический союз. Его вероятность возрастет, если США будут проводить жесткий гегемонистский курс во внешней политике, инициировать новые военные интервенции. В этом случае страны «Большой тройки» будут вынуждены создать блок для сдерживания американского экспансионизма, угрожающего глобальной катастрофой.

Наиболее реальным все же представляется умеренно-оптимистический сценарий, поскольку он больше всего отвечает интересам двух из трех участников РИК (Индии и Китая) в евразийских международных отношениях, которые будут и в дальнейшем извлекать определенную тактическую выгоду из существующего стратегического партнерства. Россия, Индия и Китай будут вести сложную политическую игру, стремясь поддерживать конструктивные отношения между собой и одновременно не наносить ущерба тесным взаимосвязям с США.

В любом случае развитие партнерства РИК будет подчиняться законам социосинергетики – нелинейности, скачкообразности, взаимоперехода хаоса и упорядоченности. На направленность эволюции «треугольника» могут повлиять как серьезные, так и незначительные флуктуации в международных отношениях: перераспределение управленческих функций, изменение в соотношении сил ведущих акторов, зигзаги в развитии мировой экономики и т.д.

Вместе с тем ясно, что при любом варианте развития событий в объективных интересах России – углублять и расширять сотрудничество с Индией и Китаем на взаимовыгодной основе, не предаваясь иллюзиям о «вечной дружбе» трех народов, а решая конкретные управленческие экономические, политические и духовные задачи. Ни Китай, ни Индия, как справедливо утверждает А. Арбаков, не пойдут воевать за Россию. «Поэтому, – заключает этот автор, – развивая с ними взаимовыгодное сотрудничество, Москва никогда не должна терять чувства реалистической дистанции и соразмерности своего вклада с получаемыми дивидендами, равно как и упускать из виду последствия этого сотрудничества для своих отношений с другими странами, которым этот вопрос безразличен»⁵³.

Заключение

Идея совпадающих геостратегических интересов РИК в настоящее время может иметь свое рациональное обоснование, если только не использовать «стратегический треугольник» как потенциал каких-то милитаризованных «союзов», блоков или «осей». В организации сотрудничества

России, Индии и Китая следует исходить из уже существующих вещей и добиваться конкретных позитивных результатов. Россия в рамках РИК сумела вывести давний спор двух азиатских гигантов на уровень трехстороннего обсуждения, сняв напряженность между Пекином и Дели. Важным шагом вперед в примирении двух крупных азиатских держав может стать вступление Индии в ШОС. «Россия поддерживает членство Индии в ШОС, а также Пакистана, который тоже обратился с соответствующей просьбой», – заявил Сергей Лавров по итогам встречи в Москве с индийским и китайским коллегами. Совместная работа Москвы, Дели и Пекина в рамках ШОС и РИК может способствовать дальнейшему росту взаимного доверия, и это единственный способ предотвратить прогнозируемое рядом политологов неизбежное столкновение двух азиатских гигантов.

И здесь необходимо иметь в виду, что современный мир становится настолько взаимозависимым, что дружба «против кого-нибудь» часто становится непродуктивной, в то время как прагматичная борьба за национальные, они же эгоистические, интересы наций может содержать конструктивные элементы, если она ведется в рамках международного права». В этом смысле представляет интерес «треугольная дипломатия России», которая только 2 июня 2005 г. вышла из «тени» других международных форумов встречей министров иностранных дел России, Индии и Китая во Владивостоке. Ранее встречи «тройки» состоялись в Нью-Йорке во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН в 2002 и 2003 гг. и в 2004 г. в Алма-Ате в ходе Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Данный «триалог» не формализован и не может восприниматься как некая организация или ее зародыш. Участвующие в нем стороны обоснованно заявляют, что их общение не направлено против кого бы то ни было. В основе такого взаимодействия лежат два основополагающих фактора: традиционное тесное сотрудничество России с Китаем и Индией, ныне дополненное китайско-индийским сближением, и общий взгляд на мир как явление многополюсное⁵⁴. Оба этих фактора в тройственном общении способствуют повышению международного веса каждой из сторон, в чем можно видеть основной движущий мотив «триалога». Первым важным результатом «треугольной дипломатии» может считаться сближение Индии и Китая.

В апреле 2005 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил Дели и не только подписал около десятка важных соглашений, но и договорился с представителями индийской стороны о путях решения пограничных проблем. Знаменательными можно считать слова, сказанные премьер-министром Индии Манмо-

ханом Сингхом на встрече с высоким китайским гостем: «Мы можем перестроить миропорядок». «Россия разделяет заинтересованность Китая и Индии в налаживании эффективного внешнеполитического и экономического взаимодействия в трехстороннем формате Россия–Индия–Китай»⁵⁵, – отмечено в «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2008 г.

Россия, Китай и Индия считают, что их главной международной задачей является построение многополярного мира. Они поддерживают центральную роль ООН в поддержании международной безопасности и высказываются за укрепление коллективных действий по борьбе с терроризмом. В перспективе российско-китайско-индийского сотрудничества – ускорение процесса вступления Индии в ШОС и превращение «равнобедренного» треугольника в «равносторонний» путем преодоления разногласий между Китаем и Индией.

Превращение РИК в БРИКС, безусловно, расширяет возможности этого объединения в усилении воздействия на международную обстановку, предложении мировому сообществу новых форм глобального политического и экономического сотрудничества. «Не растворился» РИК и в «двадцатке» наиболее влиятельных государств современного мира. Показательно и то, что усложнившаяся структура современных международных отношений включает в себя и такой феномен межгосударственного партнерства, как РИК. Формат тройственного партнерства нисколько не теряет в своей актуальности, так как способен стать влиятельным актором современной мировой политики⁵⁶.

По сути, в данном случае речь идет об утверждении практики коллективных действий группы восходящих держав, которые стремятся выступать от имени большого числа развивающихся государств и готовы принять свою долю ответственности за созидание будущего человечества. С этой точки зрения РИК может стать одним из главных инструментов реформирования нынешнего миропорядка и создания нового, полицентричного мироустройства.

Mareeva J. A. «Strategic Triangle» Russia-India-China in International Relations (Theory and Historical Practice).

Summary: In article reconstructed the history of nomination and the fate of the idea of a «strategic triangle» of the three Eurasian giants - Russia, India and China (RIC); the foundations of the foreign policy and economic partnership of the three countries; examined the stages of the transformation of the idea of bringing them closer together in the geopolitical the project in the socio-political periodicals and scientific literature; the thesis about the prospects of institutional design RICK.

Ключевые слова	Keywords
Международные отношения, геополитические идеи, «стратегический треугольник», геополитическая ось, союз, блок, взаимодействие, партнерство, Россия, Индия, Китай	International relations, geopolitical ideas, strategic triangle, the geopolitical axis, Union, unit, cooperation, partnership, Russia, India, China

Примечания

1. Песков А. Премьер говорит то, от чего воздерживаются другие // Дипкуррьер НГ. № 17. 09.11.2000.
2. Россия – Китай – Индия: проблемы стратегического партнерства / Отв. за выпуск В.С. Мясников, П.М. Кожин. М., 2000; Яскина Г.С. Россия – Китай – Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №1; Уянаев С.В. Россия – Китай – Индия: на пути трехстороннего взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Сост. Е.И. Сафронова. М., 2004; Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост., предисл. С.В. Уянаева. В 2-х т. М., 2004; Портяков В.Я. Основные особенности и проблемы взаимодействия России, Индии и Китая на современном этапе // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Ред.-сост. Е.И.Сафронова. М., 2005; Уянаев С.В. Москва – Дели – Пекин: мост взаимопонимания и сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Рук. авт. коллектива В.Я. Портяков. Отв. ред. - сост. Е.И.Сафронова. М., 2008 и др.
3. Китай. Стратегия партнерства между Россией и Китаем. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2011 URL: с <http://kitai.org.ua/strategija-partnerstva.php>
4. Отношения России и Запада в преддверии встречи «Большой восьмерки»// Фонд "Единство во имя России [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2011 URL: <http://www.fondedin.ru/article100.php>
5. Январь-96//Еврейская электронная библиотека [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 1996 URL: http://www.jewish-library.ru/bovin/5_let_sredi_evreev_i_midovtsev/51.htm?page=2
6. Военное сотрудничество России и Индии // Мультипортал «Кирилл и Мефодий»/«Образование». [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2010 URL: <http://student.km.ru/view.asp?id=F1912E34D63147B881904A54040C55FA&idrubr=FF2B53C1E3E5400889E5998E19633EAC>
7. Мазин А.В. Итоги и перспективы российско-индийского военно-технического сотрудничества. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.xserver.ru/user/iipr/>
8. Клименко А.Ф./Статья Российско-китайское военное сотрудничество // СИАА [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=152903&type=3&page=0&hd>
9. Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Рук. авт. коллектива В.Я.Портяков. Отв. ред. - сост. Е.И. Сафронова. М., 2008. С. 171.
10. Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Отв. ред. Б.Т. Кулик. М., 1996; Его же. Глобальные факторы: «за» и «против» стратегического треугольника // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Указ.соч. Т. 1; Орлов С.Б. Военно-стратегические аспекты отношений РФ с КНР и Индией и их роль в обеспечении региональной и глобальной безопасности // Россия – Китай – Индия: проблемы стратегического партнерства. Указ.соч.; Моханти А. Стратегический треугольник – миф или реальность? // «Новый порядок на века?». Политическая структура современного мира: состояние, проблемы, перспективы / Науч. труды МНЭПУ. Вып.3. Сер. Политология / Отв. ред. Ю.В. Соколов. М., 2000.
11. Примаков Е.М. Мир без России? М., 2009. С. 194.
12. ИНФО-ТАСС. 5.05.1999.
13. Жулин Ю.А. Россия и Китай: военно-политические проблемы взаимной безопасности на пороге XX – XXI вв. Саранск, 2005. С. 28.
14. Восток. 2007. № 2. С. 144.
15. Андрианов В.Л. Формирование «большого Китая»: геополитическое измерение // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / Отв. ред. А.Г. Яковлев. М., 2000. С. 100.
16. Мира Синха Бхаттагарджи К геополитике мира // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Т.1. С. 64.
17. Дешланде Г.П. Глобализм, регионализм и национализм. С. 42.
18. См.:Чже Сун Хун. Развитие военного сотрудничества между Россией и Китаем//Социально-гуманитарные знания.2008. №5; Чэнь Цзунмин. Углубление экономического сотрудничества между Китаем, Индией и Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1.
19. Ма Шуфань. Стратегический ракурс китайско-российских отношений, обращенных в XXI в.//Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях / Сост. В.Н. Барышников. М., 2005. С. 14–15.
20. Хэ Вэйгань. Сотрудничество и расхождения в отношениях Китая, США и России в рамках международной системы. Там же. С. 21.
21. Гао Шуцинь. Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 119.
22. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 492;

- Уянаев С.В. Россия – Индия – Китай: не блок, а система партнерства в интересах развития и мира // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы / Рук. проекта М.Л. Титаренко. М., 2005; Лузянин С.Г. Указ.соч. С. 189.
23. См.: Китайский фактор в новой структуре международных отношений и стратегия России. М., 2004. С. 12–35; Яскина Г.С. Указ. соч. С. 29–30.
 24. Lal R. Understanding China and India: Security Implications for the US and the World. Westport, Conn., L., 2006.
 25. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М., 2007. С. 360 – 461; Яскина Г.С. Указ.соч. С. 34; Ефремова К.А. Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений (на примере Китая, Индии и Мьянмы): Автореф.дис... канд.полит.наук. М., 2004 и др.
 26. Открытие компании в Индии и Китае: найдите 10 отличий//Бизнес в Китае/Информационный портал [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://www.scsgroup-consult.com/ru/articles/otkritie_kompanii_v_indii_i_kitae_10_otlichiy
 27. Индия готовится к войне с Китаем//Главред. от 27.03.12 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://glavred.info/archive/2012/03/27/113121-9.html>
 28. Портяков В.Я. Растущий треугольник//Россия в глобальной политике. 2008. № 6.
 29. Китайский меламинам и Российское молоко//Аналитический портал химической промышленности[Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=4298
 30. Каукунов А.С. Интересы Китая и Индии в Центральной Азии.// Время Востока / Информационный портал [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/548.html>
 31. Имеются в виду пережитки «холодной войны» 5 марта 1946 — 21 ноября 1990.
 32. ЦРУ // Базы данных [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2011 URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/id.html>
 33. Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. С. 204 – 228; Чже Сун Хун. Геополитические аспекты внешней политики России на Дальнем Востоке (2000 – 2007 гг.). М., 2008. С. 70.
 34. Гаджиев К.С. Мифы и реальности «нового великого шелкового пути» // МЭ и МО. 2008. № 11. С. 3 – 14; Сыроежкин К.Л. Центральная Азия в треугольнике «Россия–Китай–Запад»: выбор приоритетов // МЭ и МО. 2007. № 10. С. 12 – 24.
 35. Шамгунов Р.Г. Политика Индии и России в Центральной Азии // Россия и Индия в современном мире: Материалы международной конференции, 24–25 февраля 2005 г. / Редкол.: К.К. Худолей и др. СПб., 2005. С. 73–83.
 36. Гайкин В.А. Китай и Евросоюз – два расовых полюса планеты // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докл. XV межд. науч. конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы» / Под ред. Р.М. Асланова (рук.) и др. Ч. I. М., 2005. С. 156.
 37. Кулик Б.Т. Фактор США в российско-китайских отношениях // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. Указ. соч. С. 127.
 38. Уянаев С.В. Москва – Дели – Пекин: мост взаимопонимания и сотрудничества. Указ.соч. С. 180.
 39. Ханин Ф.П. Внешняя политика Индии в условиях глобализации однополярного мира // Россия и Индия в современном мире. Указ. соч. С. 68.
 40. Алка Ачария. Политическое сотрудничество между Индией, Китаем и Россией: проблемы и перспективы // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. Указ.соч. Т.1. С. 117; Титаренко М.Л. Указ.соч. С. 529.
 41. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 12; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток, 2006. С. 51.
 42. Ма Шуфан. Стратегический ракурс китайско-российских отношений, обращенных в XXI в. // Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях и развитии внутренней обстановки в РФ. Указ.соч. С. 12.
 43. Комиссина И.Н., Куртов А.А. ШОС // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / Под ред. К.А.Кокарева. М., 2006. С. 296.
 44. Ившина О.Я. Динамика российско-китайских отношений // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Указ. соч. С. 185.
 45. Ларин В.Л. Указ. соч. С. 53 – 54.
 46. См.: Галенович Ю. Россия и Китай: понять друг друга // Азия и Африка сегодня. 2008. № 4.
 47. Ларин В.Л. Указ. соч. С. 56.
 48. Дешпанде Г.П. Указ. соч. С. 43.
 49. Ван Цюн. Влияние социокультурных особенностей Китая и России на российско-китайские отношения: Автореф.дис... канд. полит. наук. М., 2007. С. 12 – 13.
 50. Jinxin H. China Rethinks India // Asia's Giants: Comparing China and India / Ed. by E. Friedman and B. Gilley. Basingstoke, 2005. P. 222.
 51. Гайкин В.А. Китай и Евросоюз – два расовых полюса планеты // Усиление Китая. Указ. соч.; Девятов А.П. Практическое китаеведение: Китай и Россия в ракурсе перемен. М., 2008 и др.
 52. Суровцев Ю.И. Россия и Китай в современном мире: взгляд культуролога // Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 2002. С. 107.
 53. Арбатов А. Безопасность: российский выбор. М., 1999. С. 285–286.
 54. Мунтян М.А. Геополитика: история и современность.: В 2 т. Т.2. М., 2009. С. 474.
 55. Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.mid.ru>
 56. Мунтян М.А. Указ. соч. Т.2. С. 474.